

3. Иваницкая, И. Н. Детский церебральный паралич (обзор литературы) / И. Н. Иваницкая // Альманах «Исцеление». — М., 2012. — С. 41—53.

4. Кислинг, У. Сенсорная интеграция в диалоге: понять ребенка, распознать проблему, помочь обрести равновесие / У. Кислинг / пер. с нем. К. А. Шарр; под ред. Е. В. Ключковой. — 4-е изд. — М: Теревинф, 2014. — 240 с.

Сведения об авторе:

Афонасова В.А. — инструктор по физической культуре ГАУ «РЦ «Талисман» г. Екатеринбурга.
Адрес для переписки: afonarovava@mail.ru

ОБРАЗЫ «ОСОБЕННЫХ» ДЕТЕЙ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2:376

Е.В. Белоусова

Уральский государственный медицинский университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

В статье исследуется трансформация образа ребенка с физическими и психическими отклонениями в истории общества, а также его отражение в литературе. Феномен «особого» детства рассматривается двояко: в историко-культурном контексте и на примере литературы для детей-инвалидов.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями; литература для детей с ограниченными возможностями; социальная модель инклюзии; культурная модель инвалидности.

THE IMAGES OF «SPECIAL» CHILDREN IN THE HISTORY OF CULTURE

E.V. Belousova

Ural state medical university, Yekaterinburg, Russian Federation

The article investigates the transformation of the image of a child with physical and mental disabilities in the history of society, as well as its reflection in the literature. The phenomenon of «special» childhood is considered in two ways: in the historical and cultural context and on the example of literature for children with disabilities.

Keywords: children with disabilities; children with disabilities literature; the social model of inclusion; cultural model of disability.

Статистика показывает, что количество детей-инвалидов в нашей стране растет. В России почти 700 000 детей инвалидов с детства, еще около 3 млн. детей — в группе риска по инвалидности. Актуальным представляется рассмотрение этой проблемы не только с медико-социологической, но и с культурологической точки зрения.

Цель исследования

Философско-культурологическое осмысление феномена «особого» детства, и в частности — образов «особенных» детей в литературе.

Материалы и методы исследования

Материалами работы послужили не только высказывания философов, но и произведения художественной литературы. При проведении исследования нами использовались герменевтиче-

ский, сравнительно-исторический и феноменологический методы.

Мир «особого» ребенка —

Интересен и пуглив.

Мир «особого» ребенка —

Безобразен и красив.

Неуклюж, немного страшен,

Добродушен и открыт

Мир «особого» ребенка.

Н.А. Калиман

Первое письменное упоминание о детях-инвалидах в античной культуре носит сугубо негативный характер. Трудно судить об исторической правде знаменитого отрывка в жизнеописании Ликурга, в котором Плутарх писал, что слабых детей бросали в ущелье в горах Тайгета. Родители каждого новорожденного приносили его на

суд старейшин, которые осматривали младенцев и выносили вердикт. «16. Отец был не вправе сам распорядиться воспитанием ребенка — он относил новорожденного на место, называемое «лесхой», где сидели старейшие сородичи по филе. Они осматривали ребенка и если находили его крепким и ладно сложенным, приказывали воспитывать, тут же назначив ему один из девяти тысяч наделов. Если же ребенок был тщедушным и безобразным, его отправляли к Апофетам (так назывался обрыв на Таигете), считая, что его жизнь не нужна ни ему самому, ни государству, раз ему с самого начала отказано в здоровье и силе. По той же причине женщины обмывали новорожденных не водой, а вином, испытывая их качества: говорят, что больные падучей и вообще хворые от несмешанного вина погибают, а здоровые закаляются и становятся еще крепче» [6].

Несомненно, что данный отрывок в целом отражает *инфантицидный стиль* (по выражению Ллойда Демоза) — стиль, который царил в обществе вплоть до IV века н.э., стиль, в котором правили жестокость и безграничная родительская власть, а ребенок представляется лишь как средство утверждения этой власти. Для него характерно убийство неугодных для родителей и государства детей [2]. Как человек в древнегреческой мифологии — это игрушка богов (Ф. Ницше), так и ребенок — игрушка взрослого. Если семья не могла позволить себе воспитать или прокормить всех ее членов, то единственно правильным методом решения данной проблемы было убийство детей.

Если же говорить о детях-инвалидах, то их судьба в древности была поистине трагичной. Носителя врожденного умственного или физического недостатка ждала либо физическая, либо гражданская смерть. Сохранялись архаичные представления о том, что такие люди были носителями злых магических сил, проклятья, наказанными богами. Культ сильного, прекрасного и гармоничного человеческого тела отразился в гармоничных произведениях античного искусства, но он же имел и «теневую» сторону, что особенно проявилось в отношении к детям с физическими или психическими недостатками. В случае со Спартой подобные решения объяснялись военизированным духом этого государства. Некоторые античные философы давали этому теоретическое обоснование. Так, в идеальном государстве Платона, не было места для слабых, нездоровых детей. Он писал: «Следовало бы запрещать законом проявлять заботу о тех, кто рождается уродами». Аристотель предлагал: «Пусть в силе будет тот закон, что ни одного калеки ребенка кормить не следует». Сенека утверждал: «Мы убиваем уродов и топим детей, которые рождаются на свет хилы-

ми и обезображенными. Мы поступаем так не из-за гнева и досады, а руководствуясь правилами разума: отделять негодное от здорового».

С распространением христианства, однако, детоубийство перестало широко практиковаться. Согласно заповеди любви, христиане с заботой должны относиться к людям, имеющим физические недостатки. Хорошо всегда помнить слова апостола Павла: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6, 2). Также апостол Павел призывал: «Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем» (1 Фес. 5: 14).

Отношение к «особым» детям связано вообще с отношением к инвалидам. Н.Н. Малофеев выделяет 5 периодов в отношении общества и государства к инвалидам:

«Первый период — от агрессии и нетерпимости к осознанию необходимости заботиться о людях с отклонениями в развитии. Условной границей периода в Западной Европе является первый прецедент государственной заботы об инвалидах — открытие в Баварии первого приюта для слепых 1198 г. В России же прецеденты возникновения первых монастырских приютов приходятся на 1706—1715 гг. и связаны с реформами Петра. Тогда, кстати, и появилось слово «инвалид» применительно к пострадавшим служилым людям.

Второй период — от осознания необходимости призрения лиц с отклонениями в развитии к осознанию возможности обучения хотя бы части из них. Условной границей периода в Западной Европе можно считать переосмысление во Франции гражданских прав людей с сенсорными нарушениями и первые прецеденты открытия в Париже специальных школ: для глухонемых (1770) и для слепых (1784). В России прецеденты открытия первых специальных школ (в Петербурге: для глухих — 1806 г. и для слепых — 1807 г.) связаны со знакомством императора Александра I с западным опытом и приглашением французского тифлопедагога Валентина Гаюи для работы в Россию. Показателем гуманных тенденций в обществе стало открытие подготовительной школы для детей-инвалидов (Training school) в Берлине в 1842 году. Еще одна подобная школа открылась в Лейпциге четыре года спустя. Подготовительные школы для детей-инвалидов были открыты и в Англии примерно в это же время.

Третий период — от осознания возможности к осознанию целесообразности обучения трех категорий детей: с нарушениями слуха, зрения, умственно отсталых. Условной границей периода в Западной Европе можно считать

последнюю четверть XIX века — время принятия в западноевропейских странах Законов об обязательном всеобщем начальном образовании и на их основе — законов об обучении глухих, слепых и умственно отсталых детей. Это время создания параллельной образовательной системы — системы специального образования для трех категорий детей. В России оформление параллельной образовательной системы с теми же тремя типами специальных школ приходится на советский период — 1927—1935 гг. — и связано с Законом о всеобщем обучении.

Четвертый период — от осознания необходимости обучения части аномальных детей к пониманию необходимости обучения всех аномальных детей. Он приходится в Западной Европе на период от начала XX в. до конца 70-х гг. и характеризуется там развитием законодательной базы специального образования, структурным совершенствованием национальных систем (в некоторых странах имеется до 20 типов спецшкол). Существенно расширяется охват специальным обучением нуждающихся детей. К концу 70-х гг. специальным образованием в странах Западной Европы охватывается от 5 до 15% детей школьного возраста. В России же дифференциация системы, ее структурное совершенствование, переход от 3 к 8 типам спецшкол и 15 видам специального обучения осуществляется в 50—90-е гг. Для Западной Европы 70-е гг. можно считать условной нижней границей четвертого периода эволюции, когда на смену старой парадигме общественно-го и государственного сознания «полноценное большинство» — «неполноценное меньшинство» приходит новая — «единое сообщество, включающее людей с различными проблемами». Были провозглашены важные документы. Это Декларации ООН «О правах умственно отсталых лиц» (1971), «О правах инвалидов» (1975). За этими декларациями последовали национальные антидискриминационные законодательные акты. Идеи интеграции лиц с отклонениями в развитии в 70-е гг. возникают и реализуются в контексте общественного противостояния любому проявлению дискриминации. Закладываются основы формирования новой культурной нормы — уважения к различиям между людьми. В этом контексте спецшколы, интернаты признаются учреждениями сегрегационными, а изолированная от массовой система специального образования — дискриминационной. Помещение в нее ребенка рассматривается как нарушение его прав и «навешивание социального ярлыка». Первые прецеденты закрытия специальных школ в Западной Европе приходятся на 70-е гг. Это условная граница перехода Западной Европы к при-

нципиально иному пониманию прав инвалидов и формирования новой культуры общественного отношения к ним. В России же такая смена отношения совпадает с распадом СССР и кардинальным изменением устройства государства. Объявив себя демократическим государством, РФ в 1991 г. ратифицировала Конвенции ООН «О правах ребенка», «О правах инвалидов», «О правах умственно отсталых лиц».

Пятый период эволюции — от изоляции к интеграции. Интеграция инвалидов в общество является в Западной Европе ведущей тенденцией этого периода эволюции, базирующейся на их полном гражданском равноправии и новой философии общества. Период характеризуется в западноевропейских странах перестройкой в 80—90-е гг. организационных основ специального образования, сокращением числа специальных школ и резким увеличением количества специальных классов в общеобразовательных школах, перестройкой взаимоотношений массового и специального образования. Россия находится на этапе перехода от четвертого к пятому периоду, в то время как Западная Европа уже более двух десятилетий переживает этот период и находится на его продвинутой стадии» [5].

Такой продвинутой стадией может считаться трактовка *интеграции как инклюзии*. Появляется такой термин как «инклюзивная культура общества», об инклюзии пишут в социо-культурном контексте. В российской психолого-педагогической науке также активно присоединяются к этой тенденции. Например, Дания Ахметова в своем докладе отметила: «Говоря об «инклюзии» как о социокультурном феномене, важно понимать, что ее необходимо рассматривать лишь в контексте общего развития общества. Британские ученые считают, что индексом инклюзии является комплексная реализация инклюзивной политики, инклюзивной культуры и практики».

Если рассматривать каждый компонент триады «инклюзивная политика — инклюзивная культура — инклюзивная практика», затем попытаться представить их в интеграции, то можно получить некую модель социально-культурной инклюзии. Социокультурная инклюзия, таким образом, является интегрированным явлением и отражает общую культуру общества и отдельных сообществ, систему ценностей, превалирующих у большинства населения, нравственно-духовное состояние общества» [1].

К настоящему времени при рассмотрении инвалидности в западной науке сложилась важная традиция изучения данного феномена с точки зрения культуры. Эта традиция берет свое начало, например, с размышлений о самоидентификации

инвалидов Луи Баттая (1966) и последующем рассмотрении этого вопроса Энн Ширер (1981) и Джо Кэмплингем (1981). Их работы в 80-е годы XX века определенным образом способствовали организации людей с ограниченными возможностями, протестовавших против создания в культуре ряда стереотипных образов инвалидов.

Социокультурная инклюзия, на наш взгляд, может рассматриваться как развитие культурной модели инвалидности. Классификация моделей инвалидности представлена в работе Думбаева А.Е. и Поповой Т.В., в которой культурная модель описывается следующим образом:

«Культурный плюрализм. Модель идеалистическая. Она включается в программу всех общественных инвалидов движений, основанных на принципах философии независимой жизни. В своем стремлении к достижению совершенства человечество всегда ориентировалось на высокие идеалы. Модель культурного плюрализма отражает искреннее желание людей жить в совершенном, высокоорганизованном мире, в котором гармонично будут сочетаться общие интересы и интересы каждой отдельной личности. Все различия (цвет кожи, вера, традиции, языки, физические различия, возраст, способности и таланты и т.п.) будут рассматриваться в свете их положительно влияния на общество. Если политико-правовая модель ориентирует общество на защиту особых прав каждой отдельной социальной группы, то культурный плюрализм делает акцент на понятии равенства: все аспекты жизни общества будут одинаково доступны для всех членов общества вне зависимости от его отличия от других. Социальная значимость члена общества будет определяться его вкладом в общее дело» [3].

Можно утверждать, что в настоящее время социальная модель инвалидности, закрепленная в международных и национальных правовых документах, трансформируется в социокультурную модель. Мы полностью согласны с высказыванием Симен-Северской О.В. о том, что инвалидность — это не только медицинский, но и социокультурный феномен. «Инвалидность — это, прежде всего, определение физического отклонения, но не столько особенность тела, сколько производное культурного представления о том, каким тело должно быть. Физическая неполноценность зависит от восприятия и субъективных суждений в гораздо большей степени, чем от объективной оценки состояния тела. Таким образом, инвалидность — это лишь то, как мы воспринимаем ее со стороны, культурная интерпретация физических изменений и отклонений, сравнение тел, которое оказывает влияние на социальные отношения и общественные институты» [7].

Определенные стереотипы в изображении людей с инвалидностью в культуре сложились не сегодня. «Начиная с легенд и классических мифов до современной культурной традиции, большинство физически неполноценных персонажей окружены атмосферой «инаковости», отличия от других, которая создается через демонстрацию их ущербности. Примерами могут послужить и Капитан Крюк из сказки «Питер Пен» Дж. М. Барри, и Квазимодо из «Собора Парижской Богоматери» В. Гюго, и Клиффор Чаттерлей из «Любовника леди Чаттерлей» Д. Лоуренса, и Тимни Ти из «Рождественской истории» Ч. Диккенса. Символический образ человека с ограниченными возможностями часто вызывает жалость, страх, дискомфорт, чувство вины или, наоборот, заставляет читателя или зрителя почувствовать свою нормальность и нормальность других персонажей. Физически неполноценные литературные герои, как правило, остаются на периферии любого жанра. Главные же герои крайне редко имеют физические недостатки» [7].

Розмари Гарланд-Томсон, профессор английского языка и биоэтики в Университете Эмори, открыла новую область исследований инвалидности, рассматривая инвалидность как дискурс меньшинства, а не как медицинский дискурс, пересматривая репрессивные нарративы и раскрывая освободительные. В ее книге «Экстраординарные тела» рассматриваются фигуры инвалидов с психическими нарушениями в «Хижине дяди Тома» Гарриет Бичер Стоу и в других произведениях американской литературы, а также в популярном культурном ритуале Шоу фриков [8].

Темой особого исследования, на наш взгляд, может стать тема «Образы «особых» детей в отечественной культуре и литературе». Данная тема уже затрагивалась в статье молодого ученого Киселева М.И., где отмечалось традиционно милосердное для русской православной культуры отношение к инвалидам (юридическим)[4]. Однако подробное исследование нарративов отечественной детской литературы и образа «особого» ребенка, видимо, еще впереди.

В мировом сообществе все более заметным становится поворот от «культуры полезности» к «культуре достоинства». В контексте этой концепции человек с ограниченными возможностями, независимо от своей дееспособности и полезности для общества, рассматривается как объект медицинской, социальной и психолого-педагогической помощи, ориентированной на создание условий для полной самореализации его личности. Важным условием «культуры достоинства» является развитие творческой личности «особого» ребенка.

Литература

1. Ахметова, Д. Инклюзивная культура общества как результат реализации инклюзивной политики и практики / Д. Ахметова // Инклюзивное образование: преемственность инклюзивной культуры и практики: мат. IV Международной научно-практической конференции / гл. ред. С. В. Алехина — М.: МГППУ, 2017. — С. 16—23.
2. Демоз, Л. Эволюция детства / Л. Демоз // Психоистория. — Ростов н/Д.: Феникс, 2000. — С. 14—111.
3. Думбаев, А. В. Инвалид, общество и право / А. В. Думбаев, Т. В. Попова. — Алматы: ТОО «Верена», 2006.
4. Киселев, М. И. Генезис отношения к детям с ограниченными возможностями // М. И. Киселев // Молодой ученый. — 2012. — № 12 (47). — С. 412—414.
5. Малофеев, Н. Н. Западная Европа: эволюция отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии / Н. Н. Малофеев. — М.: Издательство «Экзамен», 2003.
6. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах / Плутарх; пер. С. П. Маркиша, обраб. пер. С. С. Аверинцева, перераб. комм. М. Л. Гаспарова. — 2-е изд., испр. и доп. — Т. I. — М.: Наука, 1994.
7. Симен-Северская, О. В. Образ человека с ограниченными возможностями в культуре / О. В. Симен-Северская // Материалы XXXVII научно-технической конференции по итогам работы профессорско-преподавательского состава СевКавГТУ за 2007 год. Том первый. Естественные и точные науки. Технические и прикладные науки. — Ставрополь: СевКавГТУ, 2008.
8. Thomson, R. G. Extraordinary Bodies / R. G. Thomson. — New York: Colambia university Press, 1997.

Сведения об авторе:

Белоусова Е.В. — канд. культурологии, доц. кафедры философии, биоэтики и культурологии ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России.

Адрес для переписки: elena-valentinovna@mail.ru

АНАЛИЗ КЛИНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТНОШЕНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ЛЕЧЕБНЫХ ФИЗИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ У БОЛЬНЫХ С ДИАБЕТИЧЕСКИМИ АНГИОПАТИЯМИ

УДК 616-08-07

Н.С. Борзунова, О.И. Борзунов, Т.Н. Ткаченко

Уральский государственный медицинский университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

В работе представлены данные о проведении анализа клинических исследований (КИ), посвященных применению лечебных физических факторов в составе комплексной терапии у больных с сосудистыми осложнениями сахарного диабета в виде диабетических ангиопатий.

Ключевые слова: диабетическая ангиопатия, лечебные физические факторы, клинические исследования.

ANALYSIS OF CLINICAL STUDIES REGARDING THE USE OF THERAPEUTIC PHYSICAL FACTORS IN PATIENTS WITH DIABETIC ANGIOPATHIES

N.S. Borzunova, O.I. Borzunov, T.N. Tkachenko

Ural state medical university, Yekaterinburg, Russian Federation

The paper presents data on the analysis of clinical studies on the use of therapeutic physical methods as part of complex therapy in patients with vascular complications of diabetes mellitus in the form of diabetic angiopathies.

Keywords: diabetic angiopathy, therapeutic physical factors, clinical studies.

Во всем мире проблема заболеваемости сахарным диабетом (СД) является социальной и экономически значимой, учитывая ежегодный прирост численности больных, а также тяжелых осложнений, с которыми рано или поздно приходится сталкиваться каждому пациенту. При

несвоевременном или неадекватном лечении СД часто приводит к ранней инвалидизации, в том числе трудоспособного населения, а также значительно снижает качество жизни таких пациентов из-за развития сосудистых осложнений. Повышенные значения гликемии на протяжении дли-